

Если вернуться назад в будущее, то можно было найти среди серых скучных лиц, чьи разумы заключены в неволе искусственной реальности, занимательное направление. Подобное было популярным когда-то в далёком прошлом, и мода, подражая всемирному колесу сансары, вечно возвращается на подиум, и люди вновь с придыханием наблюдают за восходящей звездой моды, одетую в старьё двадцать первого века...

Иногда самовыражение находит странные пути, вернее, человек по дивному наитию создает созданное, открывает открытое, и находит найденное.

Во времена жизни Нилрема ещё не прошла мода носить короткие топы, что мужчине, что женщине, что роботу, что киборгу. На коротких топах были самые разные принты, чаще всего предложения или слова... Находились даже иероглифы, иной раз доказывая, как велика человеческая пакость. Зачастую те топы с надписями на китайском или японском дарили родственники, друзья, любимые, и любили таким образом посмеяться с человека, вместо мудрого изречения вписывая на топе: «Зубная паста».

Нынешний вопрос состоял не в том, что писать на рубахе. Средневековье этого мира отличалось консерватизмом по отношению к замуреным надписям на одежде, да и смены моды в целом. Здесь любили пуговицы, золотые цепи, синее или чёрное, красное или белое.

Просто будь у Нилрема возможность достать из своего прошлого топик, там бы непременно красовалась огромная и четкая надпись:

«Нуждаюсь в рекомендательном письме».

Дабы не быть голословным, не говорить лишнего и точно не смотреть в ошарашенные глаза старика.

Кабинет Директора Арса за минувшие дни, как и сам его хозяин не постарел ни на грамм. Казалось, в этом месте и вовсе остановилось время. Лимонная долька так и не донеслась до адресата, повисла в воздухе на полпути. Открытый рот — он же адресат, сомкнулся с явным опозданием, а директор, уходя от шока, выгнул бровь и посмотрел на чашку чая, потом на лимонную дольку, потом снова на Нилрема.

— Мальчик мой, скажи честно, тебя кто-то заставил прийти сюда и посмеяться над бедным дедушкой?

— С чего бы? — причин для недоверия Грейрат не видел. Он, как никак, пришел сюда лично, во плоти, да не один, за ним была Мари!

«Что же секретарь мне в чай подмешала? Неужели я достал её своими приставаниями?» Посетовав на собственную пошлость, старик Арс покачал головой, полностью отложив лимон и дольку, и кружку чая.

Морщины внимательно осмотрели юного мага с ног до головы. Одет тот был простецки, одежда мешковата, но даже сквозь подобный барьер опытные глаза видели ту фигуру и телосложение, которых не бывает у заурядных магов.

— Мари, девочка моя, скажи, кто этот человек?

Предложил, ладонью указав на юношу, директор и подбил собственные уши слушать нараспашку каждую мелодию крохотного голоса двух хвостиков.

Непонятливо моргнув, Мари переглянулась с Нилремом, который недовольно цыкнув, кивнул той подбородком мол: «Говори давай».

Вот девочка и вышла из тени бывшего учителя, но не чтобы самой засиять аки звезда на небе (впрочем, без этого не обошлось, и звездочки в глазах Мари все-таки зажглись), а дабы прославлять великого мага! Ох, дай ей волю, и она расскажет все! Все что знала и не знала, но знать хотела. Душа её, аки старые штаны, едва не разошлась на швы. Она уже подняла руку, вдохнула поглубже, да как выдохнет, не начав тираду. Все дело в том, что щебетать на тему «Нилрем», без конца и контроля она могла, только при отсутствии этого самого объекта.

Сушая секунда личного времени потратилась на то, чтобы успокоить заведённый мотор в сердце, и поборов стыдливость, она выдала спокойным тоном:

— Это Нилрем Грейрат, уважаемый директор Арс.

Старик нахмурился, поджав губы. Кому бы нравилось раз за разом слышать неприкрытую ложь?

— Ты что-то путаешь... — директор прикоснулся пальцами ко лбу, начав медленно того массировать. — Нилрем — мальчик лет десяти одиннадцати, ну в крайнем случае тринадцати. Ты же приводишь мне в кабинет совершенно постороннего человека, здорового лба, и просишь выдать ему рекомендательное письмо. Вот скажи, не Нилрем, ты по крайней мере ученик этой школы? И что ты хочешь от письма, вернее, к кому желаешь подать всего себя, что пришлось запугивать бедную девочку? Ты учти, за её спиной не слабая семья, а её покровитель страшный мальчик коим ты пытаешься казаться.

Возраст от десяти-двенадцати и до шестнадцати-восемнадцати, считается тем редкостным событием, что проходит лишь раз в жизни. Оно и не удивительно, ведь происходит на первый взгляд простой механизм взросления. Все четче проявляются вторичные половые признаки, взрывными темпами увеличивается рост, вес, ум, характер и развитие в целом. Казалось бы, какие-то пять лет разницы... Для старших это не такой уж и большой срок, но для подростка, он значил едва ли не все. За пять лет бурного роста человека можно больше не узнать в лицо, и все на природных основаниях ни грамма магии или пластических операций.

Не редки случаи, когда из гадкого утёнка за этот период прорастает прекрасный лебедь.

Стоит оговорится, эти, несомненно важные процессы проходят свой путь годами. В случае же Нилрема, он перешагнул весь путь к становлению взрослым не за один год, и даже не за месяц. Все это случилось за одну ночь. Можно даже считать, что Нилрем умер и заново родился. Узнать его ещё возможно, но вот принять уже практически нереально.

Со стороны директора Арса, «лже» Нилрем словно разыгрывает понятный только ему спектакль, вот только пьеса затянулась, и зрителей начинал одолевать приступ гнева.

— Старик, — Нилрем понимал свое положение лучше остальных, и потому на приподнятой руке, над ладоней вмиг воспарил огненный шар. — Такого доказательства тебе достаточно? Или тебе пересказать все те книги, которые ты мне выдал, аки задание на лето? Мне не сложно вновь доказать свое право носить титул мага Королевского ранга, — ещё до ответа директора Арса, у которого дёрнулось веко в смутном чувстве дежавю, Нилрем принял бразды правления погодой в свои руки, за считанные секунды наводя, на пусть и тучный, но светлый день, все больше мрачности. В кабинете стемнело.

— Стоять! — промедли старик Арс на несколько секунд с хлопком по столу, и бывший гордый

мальчик вполне мог повторить заклинание Королевского ранга. — я... верю...

Однако в это было сложно поверить, какими словами бы не разбрасывался директор. Сейчас он это делал лишь с целью прекращения магии.

Слабо фыркнув, огонь, как и тихая тьма развоплотилась. Нилрем сложил руки на груди и стрельнул взглядом напрямиком в глаза директору. Парню было не сложно поддерживать зрительный контакт с оппонентом, который был слабее его.

«И почему только сейчас он начал мне напоминать того нахального мальчишку?» Подобно небу во внешнем мире, лицо, укрытое за мудростью веков, просияло тягучей улыбкой. В веко Грейрата очень быстро кинулась её фальшивость.

Тогда же, расцепив переплетенные пальцы, директор Арс указал ею на мягкое и глубокое кресло, приговаривая:

— Дети нынче быстро растут, так ведь?

— У меня нет времени на посиделки за чаем. Ты слышал, что мне нужно, выдай мне это и я уйду.

— Ах, рекомендательное письмо, это слышал, спасибо Милису, очень хорошо. Только вот кому конкретно это письмо уйдет, я так и не услышал.

Ответ пришелся моментально из двух мест. Что Мари, что Нилрем высказались одновременно, слив в одно предложение свои голоса. Одной это даже понравилось, второй сразу пресёк это на корню. Подобно удару указкой по ладоням, была предупреждена Мари не вмешиваться в его разговор. Девочка поняла все быстро, потупив взгляд и отступив назад на пол шага.

Директор Арс открыто осудил столь вопиющее поведение Панацеи. Подобные замашки до добра никогда не приведут. Впрочем, осуждение, по меркам того же директора, получилось смехотворным. Сделать что-то кроме ещё более острого прищуря, который в любом случае не работал на Грейрате у директора не получилось. Юный маг не видел в Арсе своего авторитета, наставника или друга. В лучшем случае знакомого, в худшем источник информации.

«Надо бы подробнее поболтать на эту тему с юной Мари. Может вызвать в школу её опекуна?» Отложив свое хобби — говорить и не работать — в дальний угол, он принялся за дальнейший нарратив.

За все следующие минуты, говорил, отвечал и фыркал только и лишь только Нилрем Грейрат. То, что это тот самый мальчик на которого жаловался Кадор Прайс, сомнений больше не осталось. В некотором смысле, знание облегчило сердце старика. Двух «Нилремов» его школа, да и весь Милисион, точно не выдержит.

— Говоришь, тебя прокляли, — парень утвердительно кивнул, а за его спиной мелкой мышкой кивнула и Мари, сотрясая свои хвостики. — хм-м...

Хмык получился старческим, из разряда: «Сложно поверить, шкет». Насколько знал директор Арс, знания о проклятиях считаются утерянными ещё с конца второй человеческо-демонической войны, где семь героев победили и запечатали короля демонов Лапласа. Естественно с того времени прошло больше трехсот лет, и новые-старые направления магии вновь начали развиваться, однако консерватизм того же Милиса очень сильно вставляет палки в колёса всем исследователям.

Именно поэтому старый товарищ Арса ушёл отсюда, и отправился в центр другого магического государства. Город Шария, государство Ранноа. Вполне возможно, далекие уголки королевской библиотеки, или же складов фракций, скрывают в своих норах тайны забытых лет, однако достать их так же сложно, как выпросить заклинание божественного ранга у Папы и Кардинала, будучи обычным крестьянином.

По сути, директору стала понятна первопричина такой поспешности. Если мальчик, из-за проклятия будет разменивать каждый год своей жизни на пять, то ему не хватит никаких собственных сил, чтобы разобраться в этом самом или же медленно взбираться по социальной лестнице местной иерархии. Как ни странно, но у этого юного таланта могло быть меньше времени, чем у самого директора Арса.

«Яркие звёзды всегда гаснут первыми», совсем по-другому взглянув на непроницаемое лицо мальчишки, старый колдун не мог найти и трещины сомнения или страха за свое будущее. «Возможно... твой характер был дарован тебе самой судьбой, дабы пережить все трудности?» Маг на закате своей жизни, прожив столь много лет, что многим и не снилось видел множество амбициозных юношей и барышень. Все они в том или ином свете, видели дорогу. Их чистые глаза постоянно видели перед собой путь, путь по которому они пойдут. Одни делали шаг самостоятельно, другие ждали толчка сзади. Да, директор видел все пути, он видел те дороги, которые выстраивали его ученики. Давно забытый аромат цитрусовых, который он, по случаю, уже как десять лет не чувствует вдруг ударил ему в нос. На кончике его языка множилось те вкусы, а сами глаза смотрели в прошлое.

«Что, неужели не помогу ещё одному ребёнку?» Помощь директора могла подтолкнуть Нилрема, и только будущее покажет, толкал ли старец его в пропасть, или заставил переступить небольшую яму.

— В общих чертах, мне стала понятна твоя просьба, — старик Арс в очередной раз заметил, как дернулась щека великого мага, когда тот услышал слово: «просьба». — я не прочь, помочь тебе с этим. Пускай мне неизвестно, что за недоброжелатель способен на такое, но надеюсь на твое благоразумие и сознательность. Ты ведь расскажешь, кто может наложить подобное страшное проклятие?

«Доброта и Сострадание, вот твои виновники, старик» рассказывать ещё одну историю из своей короткой жизни у Нилрема не было желания.

— Те, кто меня проклинал теперь мертвы, а их останки уничтожены. Я сжёг их в пепел, а затем, сжёг и сам пепел, — почему-то ни у кого в комнате не возникало сомнений, что речь шла не совсем про людей или живых существ. Сам парень, будто бы глазами переместился в прошлое, и с отвращением взирал на себя — доброго, справедливого и дающего надежду. Пускай то был мираж, галлюцинация которой нет и не будет, однако же, правдивость слов от этой эфемерности не уменьшалась.

— В таком случае, рад это слышать, — морщинки у глаз директора принялись шарудеть по столу, расследуя совсем простое дело. Требовалось найти пустую бумажку и перо с чернилами. — Я напишу письмо, в котором опишу твою проблему. Попрошу его за тобой приглядеть, однако, я так подозреваю, тебе нужно будет поступать в академию магии, — последние слова выдыхались грудным тоном, наполненным обречённостью и усталостью. Непонимающе моргнув, Нилрем едва услышал «немой» шепот директора. — С твоим-то характером, только на виселицу.

Начав заполнять будущее письмо, Нилрем и Мари остались на паузе. Девушка все не решалась

подойти к столу и углядеть буквы Арса. Вместо этого, Нилрем занял её диалогом по рунам.

В частности, девушка достигла кое-каких результатов на поприще неизученного способа колдовать. Пока что получались исключительно простенькие заклинания. Иногда, те выписывались буквально в воздухе. Пока что цепочка из двух символов была максимальной планкой, и Нилрем не винил Мари. Он сам едва прикасался к этой стезе, удовлетворившись одной собственной руной «Я».

Поскольку она была слишком сильной и сложной для понимания, её разложили на составляющие назвав те «Младшими рунами». Всего сейчас насчитывалось семь младших рун и одна старшая.

Говорила парочка детей естественно не у самого уха директора, а сам директор уже не представлял из себя кондицию пятидесятилетней давности, и слух его был так же туп, как и тренировочные мечи для спарринга.

По заключению:

— Вот, — директор Арс отдал Нилрему два листа, лишь один из которых был утыкан печатями. — первый, это мое послание сопернику, а второй... Твоя рекомендация к поступлению. Насколько мне известно, есть в этой академии класс для исключительных учеников. Они обладают нужными тебе привилегиями.

— Видимо на старости лет твои глаза прозрели, старик, — Нилрем позволил себе ухмылку, передавая это все Мари в руки. — Скажи же, как зовётся твой знакомый.

— Ульберт О'Лен — мой давний друг и соперник. Для него увидеть тебя, что для охотника наткнуться на мертвого дракона. Уверен, тебе будет что с ним обговорить.

— Как бы твой соперник не помер, до моего прихода.

— От него буквально неделю назад приходило письмо. С ним все хорошо и живет он размеренной жизнью в Шарии.

— Тогда...

Уходя по-английски, Нилрем повлек за собой взгляды кабинета, а на пороге выхода, Мари, оклемавшись, двинулась за ним.

Отправляться надо было сразу, однако заполучив в руки рекомендацию и письмо для Ульберта, Нилрем успокоился. Ему почему-то казалось, мол самая сложная и муторная часть уже позади. Ещё не разобравшись с проблемой, он уже почивал на лаврах. В кавычках, естественно.

Под предлогом набрать побольше знаний и зацепок, Панацея остался куковать в своем поместье ещё на месяц.

Он знал, дальше тянуть нельзя, иначе не успеет.

В первые же дни, Лилия совместно с дворецким Разаном и несколькими знающими людьми спланировали маршрут до Ранноа, и при отличных обстоятельствах, с пересадками и редкой непогодой, получался путь на целый год, с погрешностью в три месяца.

Была проделана колоссальная аналитическая работа с документами, картами и отчетами. Кроме времени приблизительно распределили бюджет и прочее, прочее, прочее.

Однако, большинство их планов рассчитывались не на Грейрата. Они считали обычный экипаж, обычных коней, обычную телегу. То есть, бралось среднее арифметическое. Как позже выяснится, Лили знала об этом нюансе, однако открывать его, пусть и близким, но прислуге дома Латрей ей показалось ненадёжно. Учитывая, что собирался делать её юный господин.

Генеральный план собрали, деньги отложили и со всеми управились за пять дней. Дальнейший месяц в Милисионе тот самый план слегка дополнился, однако прежнего живого ажиотажа к его написанию не проявлялось.

Аиша прекратила грызть гранит так горько называемой науки, со столь усердной силой, как это совершалось в стрессовый пик, Норн по общему, вернула себе лидерство. Вечная «номер два», отзывалась на свой титул сдержанно, пускай сердце и обливалось кровью от несправедливости. Поскольку девочка знала о ситуации брата, она считала себя не в праве говорить что-то о суровой жизни.

Мари, как ни странно, совершала большие успехи, как в естественных науках, так и в магических начинаниях. Девочка наконец вышла на уровень продвинутых заклинаний — приличный уровень успешного взрослого мага. Её стезей, по дивному стечению обстоятельств оказался огонь. Когда как её талант начали замечать остальные, а мелкие аристократы решались кинуть на безхозную деву взгляд, получали они тумачков на порядок больше остальных. А морозные, пробирающие до самой сути человека, надменные рубины вместо глаз, создали вокруг девочки неприступную крепость, которая таяла, стоило в её поле зрения попасть объекту воздыханий, который больше не скупился на похвалу и лесть.

Словно утопающая, которая пыталась сделать побольше вдохов, Мари жаждала его похвалы во всём. И если ранее Нилрем видел в этом исключительно надоедливо-детский характер, то сейчас, с развитием её и его тела, все чаще мысли Нилрема двигались в очень естественном для парня его возраста направлении.

Мари словно чувствовала это своим шестым чувством. Некие назовут это женской интуицией, однако с каждым новым днём, ей становилось все хуже и хуже. Она отчего то понимала те вещи, которые не должна понимать, ведь её взор до самого горизонта застилала розовые очки с милыми сердечками. Опасения, которых не должно было быть, подтвердились в день, когда на землю упали первые признаки зимы.

Как это часто и бывает, после школы, в сопровождении из «маленькой занозы» и её матери, Мари прибывала в поместье, отдавала учебные принадлежности одной из горничных (в отличие от Аиши, она не услужила себя желанием запоминать имена слуг). Лёгкая шубка с белым меховым воротником и изящным поясом отправлялись на вешалку. В конце концов, упирая руки в бока, алые глаза оглядывали прихожую, весь необъятный зал на наличие совсем не подходящих этому месту пятен. Для хвостиков девочки было всенепременно важно видеть чистоту в доме. Она ей нравилась, пускай сама Мари редко, когда закатывала рукава для подобных экзекуций с тряпкой.

Серьёзное и хмурое лицо разгладилось, а сама девочка на пару с Аишей, сперва прошлись к кухне, где их ждал не то обед, не то завтрак, после чего, при обычных обстоятельствах день пролетал очень быстро и по-разному. Бывает, затянет Мари магия, до полного осушения всех

сил, бывает зачитается журналами для юных и не только дам. Иной раз книгу какую прочитает (не только ж ей учебники читать, но и романы и детективы, литературу в общем).

Случалось, всякое, и всякое прощалось. Конкретно этот день, отличался сразу несколькими тревожными звоночками. Во-первых, именно сегодня директор Арс устроил ей, одиннадцатое, по очередности заклинание «полоскание мозгов». Подобно стиральной машинке, умудренный опытом воспитание старик, пытался казаться ей добрейшим дедушкой, при разговоре с которым даже на коленки садиться можно (после первой же подобной пробы увеличить доверие, директор Арс едва не выругался в лицо смущённой девочки, впрочем, «девочка» она уже условно и свой вес имела знатный, по мнению директора, естественно. Больше на больные колени, директору Арсу никто не садился, а скупые мужские мечты усадить себе на колени секретаршу, утекли как тот снег в начале весны).

Чем конкретно занимался директор? На первый взгляд всем и особо ничем. Часто дедушка выступал в качестве обычного слушателя, иногда советы раздавал. Однако и Мари не была дурочкой, и понимала, что от неё хотел директор. Их незримая игра в шахматы проходила медленно, и так же медленно Мари тратила зазря свои фигуры.

Сводилось все к тому, о чем каждому известно. Зависимость до добра не доведёт.

«Нилрем рано или поздно уйдет от тебя, и что ты будешь делать?» Директор умел жонглировать словами, и эта до боли простая мысль по частям пускала в неокрепшую голову свои корни.

«Он не уйдет, не бросит, не забудет обо мне», защитными словами отнекивалась дева. И так из раза в раз продолжался мозговой штурм где один доказывал свою нелицеприятную правду о том, что кто-то едва не превратился в наркомана, в то время как вторая, как и принято у этой прослойки людей все отрицала, или при получении особо сильных аргументах, сводила их на нет словами: «Вы преувеличиваете».

Первым шагом к решению проблемы было именно что установить проблему, однако, как лечить того, кто считает себя полностью здоровым?

Во-вторых, над небом кружились тучи. Сами по себе они не являлись странностью или ознаменованием чего плохого, просто на взгляд Мари, они казались плохими и неприятными, словно их кто-то нарочно вызвал. Нилрем не любил тучи, и подобное не было секретом.

В-третьих, Нилрема на месте не оказалось. Его беспорядок в комнате не позволил бушующему сердцу выпрыгнуть из груди. Остановилась мысль... а дальше, начались поиски.

Паники никто не поднимал. Да, паника поднималась в юной деве, но переносить подобный несущественный «пустяк», который её изгрызал, на окружающих, не позволяло собственное достоинство. У Мари была честь, а ещё у неё были глаза, и ей хватало беспокойного лица Аиши, чтобы понять — не она одна беспокоится.

Уже как два месяца прошло, с того дня, как случилась точка невозврата, уже как месяц прошел, когда появилась маленькая, невинная и в некотором смысле детская надежда. Появился маршрут, появились деньги, появились возможности. Однако до сих пор, не появлялось людей.

Глаза, как те бусины, в коробке которую трясли непослушные дети, металась во все стороны за поиском истинный, за поиском незримого следа, уникального аромата или звука его голоса. С подбородка уже стекал пот, дыхание сперлось и в лёгких неприятно грело.

С Аишей, Мари рассталась на одном из перекрёстков, даже не замечая, как та проговорила: «Лучше разделиться».

Беспокойство, будь оно человеком, сейчас бы скончалось от сердечного приступа, до того громко стучало одинокое, ищущее свою пару сердечко. К вискам неприятно подступала кровь, а глаза сузились, выглядывая в окно.

И он там был.

Стоял, ошпаренный ветром и первым морозным снегом. Ему доводилось созерцать лес на опушке, и держать в руке художественную кисть. Самые первые снежинки в Милисионе выпали на удивление мелкими. Размером с пыль, они совершенно не впечатляли, однако Мари была рада ведь сквозь такой мелкий снегопад, она видела его. Нилрема.

— Э-гэ-гэй! — из окна второго этажа выкрикнула Мари, привлекая внимание не только небесного взора, но и обливавшегося зимнего ветра, для которого открыли окно.

Нилрем сразу узнал источник беспокойной радости. Ей даровался кивок да мелкая улыбка, а после, маг вернулся к своему занятию — письму картины. Так говорят «великие», ведь они не рисуют холсты, не ляпают на него краски и не растирают непонятные грифели. Они именно что пишут на «белом мире», историю, которую видят глазами, реже — ту, что видят сердцем и умом.

Грейрат закрыл глаза, а в общем-то, на его холсте не было ничего. Там пусто. Кто-то может сказать, что пусто не бывает, и там было белоснежно. Что ж, он в своей правоте мог бы и отправиться к праотцам, смей потревожить сейчас Нилрема. Ему желалось отрешиться от всего мирского, сосредоточиться на главном.

И оттого болезненно было парню слышать, как Мари на землю приземлилась, по дороге нанося простые руны ветра, которые притормозили её падение.

Невербальная магия ей может и недоступна, однако она удачно компенсировала это быстрым письмом Рун с тем же эффектом, что и магические круги.

Подбежав к объекту поиска, деве словно выдали награду, и та, дав слабинку, показала глупую улыбку, которую в общем-то никто и не увидел. Изнеженное ваннами, банями и не особо тяжёлой работой тело осело на землю.

— Не сиди на холодном, — тут же предупредил её Грейрат. — ты так спешила... что-то важное случилось?

— А... нет, ничего такого, — Мари нашла в себе силы поднять зад с пола. — просто тебя не было в комнате... Вот и искала.

— Ясно, — Нилрем выдохнул и открыв глаза посмотрел на девочку. Ждущие глаза, неприглядно милое лицо, до безобразия развитое тело.

За последний месяц, все подобные «атаки» срабатывали на нем все хуже и хуже. Внутренний золотистый дракон облизывался все меньше. Вернувшаяся полуулыбка на губах и снисходительный взгляд, заняли место неуклюжести, смущению и животному желанию. Прямо сейчас, путь к его сердцу полностью перекрыт.

— Я так понимаю, сестра была с тобой?

На эту фразу девушка встрепенулась, покрутила головой, находя исключительно свои красные хвостики и непонимающе заморгала. Она полностью пропустила тот момент, когда они с Аишей расстались.

— Она была здесь, точно была!

— Успокойся, верно вы разбежались пока искали меня, — Панацея спокойно ответил. — Иди найди её, и отмени эту вашу маленькую тревогу.

— Хорошо, я пойду позже...

Приподняв бровь, Грейрат никак не ожидал, что его слова не исполнят в тот же миг. Это было чем-то новеньким.

Завыл холодный предзимний ветер. И если Нилрем стоял в соответствующей одежде, то шубка Мари осталась одиноким котёнком в поместье, где-то на такой же одинокой вешалке.

Тот легкий прикид в точности соответствовал ну разве что градусам двадцати, но аж никак не минус трём по Цельсию. Естественно, ей было холодно, и холодно ей делал Нилрем, пускай и никак не выдавал, что магией подталкивает её уйти.

Задрожала хрупкая фигура девушки, и приняла она искать себе спасение. Неосознанно, но в точности с желанием, тело само приблизилось к спине мальчишки. Робко прижалось к нему сперва плечом, потом и грудью. Прикрытые глаза Мари в целом удивились тому бессознательному порыву вперёд, тому как нежно она прижалась к широкой спине Нилрема, к тому как резко в округе пропал противный ветер.

— Мари, отойди.

— Я не могу. Ноги не слушаются.

Атмосфера обстановки накалялась. Будто под настоящим дурманом, её тонкие руки начали обвивать взрослое тело, и прижиматься к нему все сильнее. Ранее вздрагивающая, при каждом вдохе Грейрата, Мари, проявляла не дюжую смелость и искренность в своих чувствах. Её голова начинала закипать от того невысказанного количества тонких чувств, а в глазах вертелись невозможные сценарии этого продолжения.

— Не уходи от меня.

«Не отгоняй меня. Не оставляй одну. Не...» Было ещё много этих самых «не», для которых у девичьих губ не осталось сил, но которые хотелось выкрикнуть.

Нилрем никогда не был слепцом. Он мог строить из себя слепого, мог «не замечать» очевидного, мог продолжать играть в бесконечные игры лабиринта разума и чувств. Однако он не мог держать свою оборону вечно. И теплый летний ветерок в начале зимы этому был подтверждением.

Парень расцепил руки девушки, и обратился к ней лицом. Отныне он смотрел в лицо своему... самому большому страху. Прижатый к груди комочек любви и ласки, наносил непоправимый вред защите Нилрема. Снисходительная улыбка спала, оставляя пустующее лицо и бесконечные внутренние терзания.

«Я не собираюсь брать её с собой. Она обуза. Замедлит меня».

И множество иных преград ломались одна за одной, пока они смотрели друг другу в глаза.

В какой-то момент, Нилрем уже выдумывал то, как пройдет их путешествие, однако, как никак, вовремя подоспел страх смерти. Открыв сердце для одной, туда спокойно затесалась и вторая нерадивая болезнь. И вот, уже как прокажённых, в своих неисчислимо бесконечных видениях, рядом с Мари что так нежно прижалась к его телу, он замечал и образ костлявой старушки, которой в радость лишний раз ткнуть фалангой пальца в его грудь.

— Мари! — его окрик получился взволнованным, чем привлёк сто процентов внимания зачарованных глаз. Нилрему нелегко далось отгадать от себя теплые мысли, но и теплую Мари, взяв её за дрогнувшие плечи. Расстояние между двумя сердцами увеличилось на длину руки парня. — Ты слишком... слишком слаба, чтобы поспеть за мной.

Наконец сказав это, его руки отпустили дрогнувшие плечи барышни, нет они упали, повисли вдоль тела, однако для девочки подобное уже не имело значения. Как древние мраморные статуи из старого мира, Мари остыла, будто бы покрылась коркой непроницаемого камня, а сердце, лишь благодаря чуду не прекратило свой безумный вальс. Взгляд её охладел до того самого абсолютного нуля, при котором никаких чувств в них больше не зарождалось. Красный оттенок словно утратил свой блеск, и медленно сменялся алым, а потом и бордовым, пока навеки не окрасился в тьму космоса.

«Я слаба?» Она была слаба.

«Бесполезна?» Беспольна.

«Только мешаюсь?» Только мешаешь.

В её голове боролись мысли и слова. Они принимали вид чудовищ, активно пытаясь поглотить друг дружку.

«Что бы ты сделала, если бы однажды, самый дорогой тебе человек тебя бросил?» Вопрос директора Арса на тот момент слабо ударил по девичьим мозгам, однако то, как он повторился сегодня, являло собой не удар кулаком, а выстрелом пушечного ядра.

Плохое, темное, неземное. Что-то такое, подобно чему нет аналога в этом мире. Внутри её сердца, в его самой горячей части, где недавно выкипела вся кровь, зарождался сгусток тьмы и мрака. И этот мрак окутывал саму душу девушки.

Обернись сейчас Нилрем назад, посмотри он на одинокую фигуру безмерно влюблённой девушки, и даже не прибегая к своему магическому глазу заметил бы, как сильно сгустилась тьма вокруг Мари. Ему под силу было заметить, как бессильно зарычала душа барышни, как проступили на гладком лице из камня, невидимые слезы, и как напозла до сумасшествия темная улыбка.

Но, не обернулся Нилрем. Его терзали страхи, сомнения, тревоги. Он сам себе казался крепче, а оказалось, он такой же, как и все. Соткан из хрусталя. И если Нилрем все ещё держался, то вот Мари сегодня треснула. А из трещины неразделённой любви медленно выползала новая, страшная сила.

— Директор был прав...

«Послушай, девочка моя, Нилрем не должен решать за тебя твою судьбу. Он не всеведущ. Ты вправе сама, без его одобрения, высказывать мысли и действовать. Ты должна быть свободна от

его мнения.»

Мир не так милостив, чтобы вечно беречь сердечко влюбленной барышни. Однако пусть он содрогнется, если не сумеет его сохранить!

Наружу, под дождём из мелких снежинок, вылезала самая настоящая старшая руна. Не такая, ослепительная как у Нилрема. Она казалась полной её противоположностью. Будто поглощающая свет дыра. Руна в которой отпечаталось искреннее желание одной смертной девы уничтожить все на свете и сам свет на сдачу.

О решении Нилрема знало ничтожно мало людей. Собственно, это была Лили, это была Карла и маленькая Джинкс. Судьба распорядилась так, что малютка не могла в полной мере рассказать Аише, Норн или Мари о том, что в ночь, при густой снежной метели собирался отбывать Нилрем. Больше, Грейрат ждать не мог. Он не добился великих успехов здесь, в Милисионе, но по пути сюда успел обзавестись слухами. Псевдоним Панацея, иронично напоминал парню, сколь же слабы его собственные силы.

«И я смел попрекать ещё и Мари?» Подобные мысли, как те крысы в личной преисподней, искали угол, норку, точку, где бы перевести дух от адских кошачьих.

И пускай Нилрем отправлялся не в лучшем расположении духа (ему взаправду не хотелось покидать уютный дом), но такова его дорога, и не одной скромной служанке останавливать молодого господина.

Направив носки в карету, в ту заснеженную ночь, вместо лакея выступала собственной персоной тьма, а в сущности, и сами кони. Впрочем, называть породистых столичных скакунов простыми и уничижительными конями, все равно, что набраться храбрости обозвать старшего Грейрата фокусником.

Изничтожив слабости вида конного, Нилрем изменил их, подчинил собственной воле, наделил невиданными силами и каплей разума. Все, лишь бы оба красавца с белоснежной гривой, бежали от рассвета до рассвета без перерыва.

— Юный господин, вы точно уверены, что справитесь сами? — на пару с масляной лампой, в сторонке, под занавесом, в тяжелой шубке без излишеств, стояла Лилия. Обеспокоенные линзы сверкнули алым пламенем свечи.

— Уверен, — твердо высказался Нилрема, ещё осматривая покрытую снегом карету. — Попутчики меня лишь остановят.

— Можно же было попрощаться, — в, казалось бы, бесстрастном тоне то и дело мелькала скорбь и печаль.

Ответом Лили послужил отказ. Смирненно повертев головой, стоя под душем из снега, Грейрат повторил отказ:

— Ни мне, ни им подобное без надобности. Пускай остаются здесь. У них есть отличный покровитель и защитник. Для Аиши и Норн в Милисионе высшего качества условия. Мари же... она уже считается талантом раз на несколько сотен магов. Она не пропадет, если вы за ней приглянете, — оставив себя без прощания, Нилрем пробрался в повозку, уложил себя и нужные вещички, и только после, выглянул в окно. — Если все пойдет по хорошему сценарию,

я вернусь через года три. Передай Рудэусу мои наработки в плане магии. Если он не тугодум поймёт их.

— В таком случае, юный господин, да хранит вас милостивый Милис.

— Нет на свете бога, окромя меня. Ведь там, где я, всегда проходит путь.

Заржали кони, фыркая и ступая по заснеженной тропе.

Следящая глазами Лили, только слабо улыбнулась, повторив свои последние слова. Не важно, что случится дальше, она верила, все будет хорошо.

По утру, когда стихла непогода, следы повозки похоронились густым снегом. Парочка тихих ног, пробралась в пустую комнату, где на столе лежало одинокое письмо.

«Для Аиши, Мари и Норн», гласила на нем надпись.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3423402>